

ДІАВЛО

ТРИЛОГІЯ
ВОЙНЫ ГРЕХА

MAINSTREAM
представляет
книги по игровой вселенной
DIABLO:

СПРАВЧНИКИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Роберт Брукс, Мэтт Бёрнс.

**«Книга Адрии. Энциклопедия
фантастических существ Diablo»**

Джейк Герли, Роберт Брукс.

«Энциклопедия Diablo»

СЕРИЯ «ЛЕГЕНДЫ BLIZZARD»:

Ричард А. Кнаак. «Луна Паука»

Ричард А. Кнаак «Diablo: Война Греха.

Книга первая: Право крови»

Нэйт Кеньон. «Буря света»

ДІАВЛО

ТРИЛОГИЯ
ВОЙНЫ ГРЕХА

КНИГА ПЕРВАЯ:
ПРАВѠ КРѠВИ

РИЧАРД А. КНААК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

К53

Richard A. Knaak

DIABLO: THE SIN WAR. BOOK ONE. BIRTHRIGHT

Печатается с разрешения компании

Blizzard Entertainment International.

Перевод с английского *Дмитрия Старкова*

Иллюстрация на переплете *Билла Петраса*

Кнаак, Ричард А.

К53 Diablo: Трилогия Войны Греха. Книга первая: Право крови [фантастический роман] / Ричард А. Кнаак. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 416 с. — (Легенды Blizzard).

ISBN978-5-17-135133-5

От начала времен небесное ангельское воинство и орды демонов из глубин Преисподней ведут нескончаемое сражение за будущее всего сущего. Ныне это сражение развернулось и в Санктуарии — мире людей. Преисполненные решимости склонить человечество на свою сторону, силы добра и зла ведут тайную войну за души смертных. Это история Войны Греха — конфликта, который навсегда изменит судьбу рода людского.

За три тысячи лет до того, как Тристрам окутала тьма, Ульдиссиан, сын Диомеда, был простым крестьянином из деревушки Серам. Вполне довольный спокойной, идиллической сельской жизнью, Ульдиссиан до глубины души потрясен зловещими событиями, с невероятной быстротой разворачивающимися вокруг него. Ошибочно обвиненный в зверском убийстве двух странствующих миссионеров, Ульдиссиан вынужден бежать из родных мест и пуститься в трудные, опасные странствия, дабы восстановить свое доброе имя. К немалому его ужасу, в нем начинают пробуждаться странные силы — силы, о коих никто из смертных не мог даже мечтать. Теперь Ульдиссиану приходится вести борьбу с собственной мощью, растущей день ото дня, не то новые силы поглотят все, что остается в нем от человека.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

© 2021 by Blizzard Entertainment, Inc.
Все права защищены.
The Sin War Book One: Birthright, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах.
Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

ISBN 978-5-17-135133-5

ПРОЛОГ

Мир тогда был еще юн, и лишь немногие знали, что именуется он Санктуарием, а ангелы с демонами не только существуют, но сам Санктуарий сотворен некоторыми из их числа. В те дни губы смертных еще не шептали имен немногих могущественных, зачастую ужасных — Инария, Дьябло, Ратмы, Мефисто и Баала.

Времена те были намного проще. Не ведавшие о нескончаемой битве меж Небесами и Преисподней, люди бедствовали и процветали, жили и умирали. Откуда же им тогда было знать, что вскоре обе бессмертные стороны устремят на них алчные взгляды, и это положит начало противоборству, которому суждено продлиться не одну сотню грядущих лет?

Самым слепым из самых ужасных невежд, ни сном ни духом не подозревавших о жуткой участи Санктуария, по праву мог называться Ульдиссиан уль-Диомед — то есть, Ульдиссиан, сын Диомеда. Однако ему-то, слепцу, и предстояло оказаться в самом центре событий, впоследствии названных книжниками, изучающими тайную историю мира, *Войною Греха*.

Нет, то была не война в смысле столкновения воинств, хотя и без таковых, конечно же, не обошлось — скорее, то был искус, испытание, уловление душ. Войне той пред-

стояло навеки покончить с невинностью, с простотой Санктуария и его обитателей, навеки изменить всех — даже тех, кто ни о чем и не подозревал.

Война та завершилась победой... но в то же время и поражением...

*Из «Книг Калана»
том первый, лист второй*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тень, упавшая на стол Ульдиссиана уль-Диомеда, укрыла не только большую часть столешницы, но и его руку, и до сих пор не тронутый эль. Кто помешал его краткому отдыху от дневных трудов, светловолосый крестьянин понял, даже не поднимая взгляда. Он слышал, как новоприбывший говорил с прочими гостями «Кабаньей головы», единственной таверны в захолустной деревушке Серам — слышал, какие речи он вел, и беззвучно, но истово молился, чтоб незнакомец не подошел к его столу.

Ну, не смешно ли: сын Диомеда *молится* о том, чтоб незнакомец держался подальше, тогда как перед ним, дожидаясь, когда же Ульдиссиан соизволит поднять взгляд, стоит не кто-нибудь — миссионер из Собора Света! Облаченный в сияющие белизной и серебром (если не брать в расчет серамской грязи по краю подола) ризы с высоким воротом, он, несомненно, вогнал в благоговейный трепет немало ульдиссиановых односельчан, однако в Ульдиссиане его появление пробудило самые жуткие воспоминания. Охваченный злостью, крестьянин изо всех сил старался не отрывать глаз от кружки.

— Узрел ли ты *Свет*, брат мой? — удостоверившись, что потенциальный неофит твердо намерен не замечать

его, осведомился новоприбывший. — Коснулось ли Слово великого Пророка души твоей?

— Другого кого поищи, — буркнул Ульдисиан, невольно сжав свободную руку в кулак, и наконец-то глотнув эля в надежде, что на этом нежеланный разговор и завершится.

Однако отвадить миссионера оказалось не так-то просто.

Накрыв ладонью предплечье крестьянина — и таким образом помешав Ульдисиану сделать еще один глоток эля — бледный юноша продолжал:

— Если уж не печешься о себе, так подумай о своих близких! Неужто ты откажешь их душам в...

Крестьянин взревел, лицо его покраснелось от неуправляемого гнева. Одним движением вскочив на ноги, Ульдисиан ухватил перепуганного миссионера за шиворот. Стол опрокинулся, забытый хозяином эль выплеснулся на дощатый пол. Прочие гости, что сидели вокруг, включая и пару редких для Серама проезжих, уставились на ссору с тревогой и любопытством... однако, наученные опытом, предпочитали держаться в сторонке. Кое-кто из местных, прекрасно знавших Диомедова сына, покачал головой, другие негромко забормотали между собою: нашел, дескать, этот пришлый, с кем да о чем разговор заводить!

Ростом миссионер превосходил Ульдисиана, тоже человека довольно высокого, куда выше шести футов, на целую пядь, однако плечистый крестьянин был много тяжелее, и все — благодаря мощным мускулам, изрядно укрепленным долгими днями пахоты и ухода за домашней скотиной. Квадратная челюсть и грубые черты обрамленного бороною лица сразу же выдавали в Ульдисиане уроженца земель, простиравшихся к западу от огромного города-государства под названием Кеджан, «жемчужины» восточной части мира. Казалось, темно-карие глаза Ульдисиана вот-вот испепелят дотла сухощавого, светлоглазого, на удивление юного проповедника из Собора.

— Души большей части моих родных Пророку уже не достанутся... *брат!* Они мертвы уж без малого десять лет, и всех их сожрала чума!

— Тогда мне надлежит помолиться за... з-за них...

Но эти слова лишь разъярили Ульдиссиана сильнее прежнего: долгие месяцы он сам молился за страждущих родителей, за старшего брата и двух сестер. Молился день и ночь, нередко без сна, любой высшей силе, какая о них ни заботится, вначале об исцелении, а после, когда надежд уже не осталось, о быстрой и безболезненной смерти.

Однако и эти молитвы пропали впустую. Родные, один за другим, умерли в страшных муках на глазах убитого горем, беспомощного Ульдиссиана. Только он да младший брат, Мендельн, и уцелели, дабы похоронить остальных.

Уже в те времена в деревню зачастили миссионеры, уже в те времена вели они речи о душах родных и о том, что именно их сектам известны ответы на все мыслимые вопросы. И все, как один, сулили Ульдиссиану: если-де он последует их путем, то непременно обретет покой, примирится с утратой близких.

Но Ульдиссиан, некогда — человек глубоко верующий, во всеуслышанье поносил всех проповедников до одного. В речах их не чувствовалось ничего, кроме пустоты, а со временем его отповеди неизменно оказывались вполне справедливыми: секты этих миссионеров уходили в небытие с той же неуклонностью, с какой за севом приходит страда.

Уходили... однако не все. Собор Света, пусть и основанный совсем недавно, казался куда устойчивее большей части предшественников. Мало того, он, да еще чуть более традиционная, освященная временем Церковь Трех вскоре сделались двумя главными силами в борьбе за души кеджанского народа. На взгляд Ульдиссиана, истовость, с коей обе стороны стремились завлечь к себе новообращенных, граничила с жестокой борьбой, в корне противоречащей духовным воззрениям и тех и других.

Это и было для Ульдиссиана еще одной причиной держаться подальше от обоих культов.

— Помолись за себя, а не за меня с близкими, — прорычал Ульдиссиан.

С легкостью поднятый в воздух за шиворот, миссионер вытаращил глаза...

Но тут из-за прилавка таверны выскользнул, вмешался в происходящее коренастый, лысеющий человек. Гораздо старше годами, силой с Ульдиссианом Тибийон равняться не мог, однако он был добрым другом покойного Диомеда, и его слова на разъяренного крестьянина подействовали.

— Ульдиссиан! Не думаешь о себе, так подумай хоть о моем заведении, а?

Ульдиссиан замешкался: словам владельца таверны удалось пробиться сквозь пелену его гнева. Оторвав взгляд от бледного, узкого лица миссионера, он оглянулся на круглолицего Тибийона, вновь повернулся к проповеднику и, досадливо хмурясь, разжал пальцы.

Миссионер, к вящему своему унижению, мешком рухнул на пол.

— Ульдиссиан... — начал было Тибийон.

Но сын Диомеда не желал больше ничего слушать. С дрожью в руках, грохоча поношенными сапогами по плотно пригнанным половицам, он вышел из «Кабаньей головы» на улицу. Снаружи веяло свежестью, и это помогло Ульдиссиану несколько успокоиться, а остыв, он едва ли не сразу начал жалеть о содеянном. Нет, даже не о содеянном — скорее, о том, что случилось все это на глазах у множества тех, кто его знает... и далеко не впервые.

И все-таки появление в Сераме приверженца Собора здорово раздражало. Гибель родных сделала Ульдиссиана человеком, верящим только в то, что видят глаза и могут пощупать руки. Видя, как меняются небеса, он понимал, когда с работой в поле следует поторопиться, а когда вре-

мени хватит, чтобы закончить труды без особой спешки. Выращиваемые его трудом из земли урожаи кормили и его самого, и других. Вот этим вещам он доверял без оглядки, а как можно верить бормочущим молитвы святошам и миссионерам, не принесшим его семье ничего, кроме напрасных надежд?

Народу в деревне Серам проживало душ этак двести, по меркам одних — ничто, но на взгляд других — очень даже немало. Пройти ее от края до края Ульдиссиан мог бы, не сделав и двух сотен вдохов. Его угожья начинались в двух милях к северу от Серама. Раз в неделю Ульдиссиан отправлялся в деревню, за разными нужными разностями, и неизменно позволял себе ненадолго завернуть в таверну, перекусить и выпить. Поесть он поел, эль, увы, пропал зазря, осталось лишь перед уходом завершить кое-какие дела.

Кроме таверны, служившей также постоянным двором, других чем-либо примечательных заведений в Сераме имелось всего четыре — молельня, фактория, казармы деревенской стражи и кузница. Выстроены они были на тот же манер, что и остальные серамские здания: островерхие крыши, покрытые тростником, и обшитые досками стены, возведенные на основании из нескольких рядов камня и глины. Согласно обычаю большинства тяготевших к Кеджану земель, на каждую сторону выходило, ни более ни менее, по три стрельчатых окна. Правду сказать, издали один дом ничем не отличался от другого.

Сапоги вязли в грязи: кому в захолустном Сераме придет на ум мостить улицы тесаным камнем или хотя бы булыжником? Да, в нужную сторону от таверны вела неширокая сухая дорожка, однако идти в обход Ульдиссиану не хватило терпения, а кроме того, крестьянствуя, он с детства привык к единству с землей.

На восточной, а значит, ближайшей к Кеджану околице Серама находилась фактория — самое оживленное место во всей деревушке, не считая таверны. Сюда местные

жители несли товары для обмена на всевозможные необходимые вещи, а то и для продажи проезжим купцам. Когда в продаже появлялось что-нибудь новое, над парадной дверью фактории поднимали синий флаг. За этим занятием Ульдиссиан, подойдя ближе, и застал причесанную по-вечернему дочь Кира, Серентию. Семья Кира управляла факторией уже четыре поколения и в деревне числилась среди самых зажиточных, однако одевались он сам и его домочадцы ничуть не роскошнее всех остальных. Нет, носа перед покупателями, в большинстве своем жившими по соседству, торговец вовсе не задирает. К примеру, Серентия была одета в простое платье коричневого полотна, со скромным вырезом на груди и подолом до щиколоток. Подобно большинству деревенских жителей, ходила она в незатейливых сапогах, пригодных и для езды верхом, и для прогулок по грязной, ухабистой главной улице.

— Что-нибудь интересное? — спросил Ульдиссиан, пытаясь, сосредоточившись на других делах, забыть и о неприятном происшествии, и о разбуженных им воспоминаниях.

Дочь Кира оглянулась на его голос, встряхнув густыми длинными волосами. Со своими васильковыми глазами, кожей цвета слоновой кости и от природы алыми губами, она, всего-навсего одетая в приличное платье, несомненно, могла бы на равных соперничать с первыми красавицами среди дам голубой крови, проживавших в самом Кеджане. Невзрачный наряд вовсе не скрывал ее фигуры и ничуть не умалял грации, с которой ей каким-то непостижимым образом удавалось двигаться в любых обстоятельствах, чем она ни занималась.

— Ульдиссиан! Ты весь день здесь?

Прозвучало это так, что крестьянин едва не поморщился. Младше годами на добрый десяток лет, Серентия, можно сказать, выросла из девчонки в девушку у него на глазах.

Ульдиссиан относился к ней, будто к одной из покойных сестер, а вот она, очевидно, видела в нем нечто гораздо, гораздо большее. И неуклонно отвергала внимание со стороны крестьян помоложе и побогаче, не говоря уж об ухаживаниях заезжих торговцев. Единственным, кроме Ульдиссиана, к кому она проявляла хоть какой-либо интерес, был Ахилий, ближайший Ульдиссианов друг и лучший в Сераме охотник, но не кроется ли причина тому в его близкой дружбе с крестьянином, сказать было трудно.

— Пришел в самом начале второго часа дня, — ответил Ульдиссиан.

Приблизившись, он углядел на задах заведения Кира, по меньшей мере, три крытых повозки.

— Солидный караван для Серамы. Что тут у нас происходит?

Закончив поднимать флаг, Серентия затянула веревку узлом и бросила взгляд на повозки.

— На самом деле, они просто сбились с дороги, — пояснила она. — А направлялись в Тулисам.

Тулисам был ближайшим поселением по соседству, городком, по меньшей мере, впятеро крупнее Серамы. Вдобавок, располагался он ближе к пути от центральной части Кеджана к морю — к нескольким крупным портам.

— Должно быть, провожатый попался из новичков, — проворчал Ульдиссиан.

— Ну, что бы их к нам ни привело, они решили немало расторговаться. Отец с трудом сдерживает восторг. Ульдиссиан, у них столько прекрасных вещей!

На взгляд Диомедова сына, прекрасными вещами могли быть разве что крепкие, надежные орудия труда, или теленок, родившийся на свет в добром здравии. Так он и собирался ответить... но тут заметил особу, прогуливавшуюся возле повозок.

Одета она была наподобие аристократки, принадлежащей к одному из Домов, стремящихся заполнить собою

прореху во власти, образовавшуюся после недавних распрей меж правящими кланами магов. Ее пышные золотистые локоны были стянуты на затылке серебряной лентой, целиком открывая взглядам царственный, безупречной белизны лик. Слегка приоткрыв тонкие, идеальные во всем губы, кутаясь в мех, накинутый на плечи поверх роскошного изумрудно-зеленого платья, она рассматривала пейзаж к востоку от Серама. Корсет платья был затянут — ту же некуда, и наряд ее, явный знак принадлежности к высшим кастам, не оставлял никаких сомнений в женской красе заезжей аристократки.

Стоило красавице перевести взгляд на Ульдиссиана, Серентия тут же схватила его за плечо.

— Ты бы, Ульдиссиан, зашел к нам да сам глянул!

Увлекаемый к дощатым двустворчатым дверям, крестьянин украдкой оглянулся назад, но благородной дамы и след простыл. Не знает он, что на этикие затейливые фантазии неспособен — пожалуй, счел бы заезжую красотку игрою воображения.

Едва ли не волоком втащив его внутрь, Серентия, дочь Кира, на удивление громко захлопнула за собой дверь. Поглощенный беседой с купцом в опущенном до бровей капюшоне, ее отец повернулся к вошедшим. Очевидно, старики вели торг за тюк довольно роскошной, на взгляд крестьянина, пурпурной ткани.

— А-а, добрый Ульдиссиан!

Этим словом торговец предварял имя каждого, кроме собственных домочадцев, чем неизменно заставлял Ульдиссиана улыбнуться. Казалось, собственной привычки сам Кир за собою не замечает.

— Как у вас с братом дела?

— Э-э... в порядке дела, мастер Кир.

— Вот и ладно, вот и ладно.

С этим торговец вернулся к делам. Венчик серебристых волос вокруг голого, точно колено, темени и живой, умный

взгляд — все это делало Кира куда больше похожим на лицо духовного звания, чем любой из облаченных в ризы священнослужителей. Положа руку на сердце, Ульдиссиан и в речах его находил куда больше смысла, и относился к Киру с немалым почтением — отчасти потому, что торговец, один из самых образованных в Сераме людей, взял под опеку Мендельна.

Вспомнив о брате, проводившем в фактории куда больше времени, чем на ферме, Ульдиссиан огляделся вокруг. Подобно брату, ходивший в полотняной рубашке, килте и сапогах, схожий с братом чертами лица — особенно карими глазами и шириной носа, Мендельн с первого же взгляда заставлял всякого невольно усомниться: да вправду ли перед ним простой крестьянин? И в самом деле, с хозяйством-то Мендельн помогал без отказа, однако призвания к крестьянскому труду явно не чувствовал. Его всегда привлекало другое — изучение, постижение сути *всего на свете*, будь то жуки, копошащиеся в земле, или слова на каком-нибудь одолженном у Кира пергаменте.

Ульдиссиан тоже умел читать и писать, и достижением этим немало гордился, но видел в нем только практическую пользу. По нынешним временам приходилось заключать множество договоров, а условия каждого требовалось записать, а затем еще убедиться, что в них все сказано верно... Вот такую грамоту старший из братьев вполне понимал. Ну, а чтение ради чтения, учение ради познания того, что наверняка не пригодится в повседневных трудах... нет, Ульдиссиана подобные увлечения обошли стороной.

Брата, на сей раз приехавшего в деревню вместе с ним, поблизости не оказалось, однако внимание Ульдиссиана привлекло еще кое-что — посетительница фактории, взглянув на которую он вновь вспомнил о неприятном происшествии в «Кабаньей голове». Поначалу он решил, что перед ним спутница того самого миссионера, подвернувшегося под горячую руку, но затем, когда юная девушка